

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Казначей

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Казначей / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-164201-3

После смерти отца, уважаемого человека, фронтовика, погибшего в результате несчастного случая, финансист Анатолий Гудниченко оказывается свидетелем череды странных событий. Сначала на дачу, доставшуюся ему по наследству, проникают неизвестные, переворачивают все вверх дном и уродуют отцовскую машину. Затем кто-то похищает мать Анатолия, требуя в качестве выкупа нечто ценное, но не уточняя, что именно. Столь же неожиданно похитители освобождают заложницу... Гадая о том, что все это может значить, Гудниченко вспоминает о ключе от еще одной дачи, который ему незадолго до кончины передал отец. Перерыв весь дом, Анатолий натывается на тайник с десятью миллионами долларов. С той минуты его жизнь становится другой — найденные деньги уродуют судьбу Гудниченко до неузнаваемости...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164201-3

Мне кажется, нет ни плохих, ни хороших людей. Есть только люди, которые могут быть самими собой и не могут. Ты перестал быть самим собой. Ты — это лже-Ты.

*Киндзабуро Оэ.
«Футбол 1860 года»*

Только простаки могут соблюсти себя в чистоте. Кто умен и многогранен и не хочет оставаться совсем в стороне от мимо текущей жизни, тот неминуемо должен замарать свою душу и стать предателем.

Лион Фейхтвангер

ЧАСТЬ I

Глава 1

Он помнил, как тяжело умирал его отец. Летом девяносто первого года, во времена самых больших потрясений, происходивших в стране, отца сбила машина. Отцу было уже почти шестьдесят пять. Он редко выходил на улицу, предпочитая передвигаться по городу в своем автомобиле. Гулять он любил только на даче, за городом. А здесь, выйдя случайно на улицу, чтобы дойти до соседнего магазина, неожиданно оказался на улице, где в этот момент мчалась неизвестная машина. «Волга» сбила отца и скрылась с места происшествия. Водителя-убийцу так и не смогли найти. А отца привезли домой и позвонили Анатолию,

чтобы он срочно прилетел домой, в Киев, где жили его родители.

У отца был переломан позвоночник, и он прожил еще около суток. В течение этого времени он умоляюще смотрел на жену и детей, словно пытаясь сказать какие-то важные слова. Но ни писать, ни говорить он уже не мог. Любые попытки даже поднять руку были бесполезны. Сын видел, как отец плакал, пытаясь что-то сообщить близким, но так ничего и не смог произнести. На следующий день отец умер. И даже в последнее мгновение своей жизни он сжимал в руках ручку, будто собирался написать.

Они никогда не были особенно близки. Отец был сухим, достаточно замкнутым, малоразговорчивым человеком. За все время учебы детей в школе он ни разу не появился там, ни разу не поинтересовался, как учатся дети, какие у них успехи. Его, казалось, не волновали эти проблемы. Он полностью передоверил воспитание детей (сына и дочери) своей супруге. Сам Андрей Алексеевич Гудниченко уже несколько лет был персональным пенсионером республиканского значения.

Во время войны, исправив себе год рождения с двадцать шестого на двадцать пятый, он ушел на фронт, едва Советская Армия освободила Харьков в сорок третьем году. И два года воевал в пехоте, получил два ордена Славы и множество

других наград. Вместе с наградами он получил и два ранения, сначала в Белоруссии, а под самый конец войны и в Пруссии, когда шли особенно ожесточенные бои за Кенигсберг. Ранения были нетяжелыми, и он возвращался в строй. В первый раз ему прострелили плечо, а во второй раз пуля попала в ногу. Он считал себя даже счастливым. Гудниченко-старший закончил войну не в Европе, как многие его сверстники, а на Дальнем Востоке, куда перебросили их дивизию для войны с Японией.

Ему было только двадцать лет, когда в сорок шестом он демобилизовался и вернулся домой, в разрушенный Харьков. Казалось, что теперь все будет иначе, по-другому. Но в сорок восьмом его арестовали. Молодой человек восторженно говорил о дорогах Германии, о налаженном быте в Пруссии, об их ухоженных садах и участках. Его обвинили в пропаганде зарубежного образа жизни и дали двенадцать лет лагерей. Награды, конечно, отобрали, а самого Гудниченко отправили на Север, где он и пытался выживать в одном из лагерей Дальлага больше восьми лет. В пятьдесят шестом его полностью реабилитировали, даже вернули награды. Он приехал в Харьков и попытался закрепиться в родном городе, устроившись на работу слесарем одного из местных заводов.

Через два года он переехал в Киев и поступил в университет, чтобы получить высшее образова-

ние. Ему было уже тридцать три года, когда он встретил Клавдию, свою будущую супругу. Она училась, как и он, на заочном факультете, работая на фабрике швеей. Клавдии было только двадцать четыре, и для нее фронтовик Гудниченко являлся почти легендарным человеком. Летом шестидесятого у них родился сын, которого называли Анатолием. Через три года появилась дочь Олеся.

Гудниченко-старший окончил университет и устроился на работу в совнархоз бухгалтером. Он довольно быстро делал карьеру: сказывалось фронтовое прошлое, два ордена Славы. В те годы к фронтовикам было особое отношение по всей стране, в том числе и на Украине. В шестьдесят пятом они переехали в новую трехкомнатную квартиру, которую Гудниченко получил, работая в совнархозе. Затем он перешел в финансовый отдел горисполкома, потом — в Министерство финансов. Он уходил на работу утром и приходил ровно в половине седьмого, всегда аккуратно одетый, чисто выбритый. Дома отец почти не разговаривал, дети редко слышали его голос. Он ужинал, проходил в спальню и читал там газеты до девяти часов вечера. Он рано ложился и рано вставал. В семь утра он уже делал зарядку на балконе, а в восемь обычно выходил из дома. Даже когда он купил машину, он не изменял своим привычкам, раньше других появляясь на службе.

Сын не помнил, чтобы отец когда-нибудь повышал голос или кричал. Он помнил отца мрачным и малоразговорчивым человеком. В семнадцать лет Анатолий уехал поступать в московский вуз по разнарядке, выделяемой для Украины. К тому времени отец был уже начальником отдела республиканского Министерства финансов.

Анатолий учился в Москве, когда в Киеве произошло по-своему знаменательное событие. Выяснилось, что отец был представлен к третьему ордену Славы, который он не успел получить из-за своего ранения в Пруссии. Ошибку исправили, отец стал полным кавалером орденов Славы, что приравнялось к Героям Советского Союза с получением соответствующих льгот. На работе в министерстве этот факт бурно отметили. Все родственники и близкие поздравляли отца с получением третьего ордена Славы. А он пришел домой, опустил свой орден в стакан водки и долго сидел за столом, глядя на этот стакан. Отец почти не употреблял спиртного, даже война и лагеря не приучили его к этой пагубной страсти.

Уже в восьмидесятом отец стал заместителем министра финансов Украины. Он по-прежнему был сухим, сдержанным и мрачным человеком, о чем даже рассказывали анекдоты. Немногие знали, что он провел восемь лет своей жизни в лагерях. Все отмечали его боевое прошлое, заслуженные награды, компетентность в работе.

Анатолий, окончив вуз, остался работать в Москве. За время учебы в столице отец навещал его только несколько раз. Их свидания больше походили на деловые встречи. Отец останавливался в гостинице «Москва», откуда звонил сыну. Тот приезжал, ужинал вместе с отцом. Во время ужина они почти не разговаривали. Иногда отец спрашивал, как идет учеба, сын отвечал, что нормально. На этом их общение заканчивалось. Отец оставлял сыну обычно пятьдесят рублей на расходы, считая, что такой суммы достаточно молодому человеку для проживания в Москве, и затем уезжал в Киев. Прощаясь, они пожимали друг другу руки: им обоим и в голову не могло прийти, что нужно целоваться при встречах или прощаниях.

Отца хорошо знали и уважали в Министерстве финансов Советского Союза. Именно поэтому Анатолия сразу после окончания вуза взяли на работу в центральный аппарат Министерства. К девяносто первому году, когда трагически погиб отец, он уже был начальником отдела Министерства финансов и успел даже защитить кандидатскую диссертацию.

В восемьдесят восьмом отец вышел на пенсию. Ему было уже шестьдесят два года. Он сам написал заявление и сам попросил разрешения уйти, несмотря на возражения министра, который высоко ценил опыт и знания своего заме-

стителю. С тех пор отец окончательно замкнулся в себе, почти не выходил из дома, проводя большую часть времени на даче, за городом. Он даже перестал ходить на военные парады и надевать свой мундир с тремя орденами Славы, которые гордо красовались на его груди.

К этому времени Олеся вышла замуж и родила двух очаровательных близнецов. К девяносто первому году мальчикам было уже по четыре года. Анатолий не был женат, несмотря на то что ему перевалило за тридцать. Он купил хорошую двухкомнатную кооперативную квартиру, где охотно принимал своих гостей, среди которых было много женщин. Но ни одна из них не задерживалась в его квартире надолго. С годами он начал с ужасом замечать, что постепенно превращается в своего отца. Его раздражало многословие некоторых сотрудников, их суетливость, праздная болтовня.

Анатолий готовил докторскую диссертацию, ходили слухи, что ему предложат место начальника управления. Казалось, что все идет как нельзя лучше. Пока в Киеве не произошло это несчастье. Он просидел всю ночь рядом с умирающим отцом, который так и не сумел ему ничего рассказать. Потом тело отца хотели увезти в морг на вскрытие, но они отказались, понимая, что ничего нового уже не узнают. Через два дня были похороны. На кладбище пришло не

так много людей. Андрея Алексеевича ценили и уважали коллеги, но его никогда особенно не любили. И поэтому многие решили даже не появляться на похоронах. В газетах напечатали соболезнование Министерства финансов, кто-то даже позвонил вдове умершего, кто-то передал свои соболезнования сыну погибшего, кто-то прислал цветы. И на этом траурная церемония завершилась.

Анатолий приехал домой. Заплаканная мать была в темном платье и черном платке. Когда все остальные наконец покинули дом, они остались втроем: мать, Олеся и Анатолий.

— Ты видишь, сынок, какое несчастье, — вздохнула мать, — кто бы мог подумать... Я думала, что он проживет до ста лет. Он ведь по-прежнему рано просыпался, зарядку делал каждый день. И часто ездил на дачу, где чувствовал себя гораздо лучше. В последние месяцы он даже жил там все время, не приезжая в город.

— Ему там нравилось, — подтвердила Олеся. Она отнеслась к смерти отца более спокойно. Может быть, сказывалось ее постоянное присутствие в Киеве. Или она держалась таким образом, чтобы не расстраивать мать. Анатолий с удивлением замечал, как реагирует на смерть отца его сестра. Она словно была готова к этому событию и не позволяла себе плакать или проявлять свои эмоции каким-то другим образом.

— Скоро должен приехать Степан, — вспомнила Олеся, — он сказал, что нам нужно будет переоформить машину и дачу на имя нашей мамы.

Степан Ткаченко был мужем его сестры. Он работал адвокатом и хорошо разбирался в подобных процедурах. Анатолий согласно кивнул головой. Его мало интересовали подобные проблемы. В конце концов, всем и так понятно, что единственным наследником в этой ситуации может стать их мама.

— Делайте как считаете нужным, — предложил Анатолий. — У отца были сберкнижки или какие-то счета в банках?

— Сберкнижка была, — вспомнила мать, — она у нас в шкафу под бельем. Сейчас принесу. Но только там не должно быть много денег. Откуда у него деньги, он ведь был пенсионером.

Она прошла в спальную комнату и вынесла оттуда шкатулку, в которой они обычно хранили все документы. Достала сберкнижку, протягивая ее сыну. Тот полистал страницы. Последняя запись. На счету отца было шесть тысяч восемьсот рублей с копейками. Не так густо, учитывая уровень инфляции. Совсем негусто, подумал Анатолий.

— Мама, — неожиданно даже для самого себя сказал Анатолий, — может, тебе лучше переехать ко мне в Москву?

— Нет, — ответила мать, — мне будет лучше здесь, в Киеве. Я уже привыкла к такой жизни. Все последние месяцы папа пропадал на даче, и

я жила здесь одна. Нет-нет, будет лучше, если я здесь останусь.

— Как хочешь, — сразу согласился сын.

Неожиданно раздался громкий телефонный звонок. Они вздрогнули. Анатолий подошел к аппарату, снял трубку.

— Слушаю вас, — привычно произнес он.

— Добрый вечер, — сказал незнакомый голос, — можно позвать к телефону Андрея Алексеевича?

— Н-нет, — ответил Анатолий, — его нет. Простите, кто спрашивает?

— Это его знакомый, — ответил незнакомец. — А когда он будет дома?

— Боюсь, что уже никогда, — честно ответил сын.

— Простите, я вас не понял.

— Он погиб. Его похоронили сегодня днем, — сообщил Анатолий.

Собеседник молчал.

— Вы меня слышите? — спросил Анатолий.

— Как это произошло? — Позвонивший был не просто расстроен. Он был, очевидно, опечален и взволнован.

— Его сбила машина, — пояснил Анатолий, — и через день он умер.

— Кто именно сбил, уже нашли? — почему-то спросил незнакомец.

— Нет, к сожалению, не нашли.

— Как это случилось? — не успокаивался позвонивший.

— Его сбила машина, когда он вышел на улицу, — начиная раздражаться, пояснил Анатолий, — извините, я сейчас не в состоянии разговаривать.

— Да, я вас понимаю. Примите мои глубокие соболезнования. Конечно, вы не можете говорить. Может, я могу чем-то вам помочь?

— Спасибо. Мы все сделаем сами. Извините меня и до свидания.

Он повесил трубку. Этот незнакомец явно переживал по поводу случившегося. Возможно, кто-то из бывших сослуживцев отца или из его сотрудников. Анатолий закрыл глаза. Как все глупо получилось! Кто мог подумать, что ветеран войны, имевший три ордена Славы и два ранения, неожиданно погибнет под колесами дикого лихача? Кто мог об этом даже подумать...

— Кто это звонил? — поинтересовалась мать.

— Какой-то знакомый отца, — пояснил сын.

Он не мог и предположить, чем обернется для их семьи этот телефонный звонок и какие события последуют сразу за этим днем.

Глава 2

Оформивший отпуск на одну неделю, Анатолий оставался в Киеве еще несколько дней, во время которых и произошли основные события

в его жизни. На следующий день снова раздался телефонный звонок. Мать была в таком состоянии, что не могла отвечать на эти звонки, и Анатолий привычно взял трубку.

— Здравствуйте, — услышал он совсем другой голос, — вы не могли бы мне сказать, что именно произошло с Андреем Алексеевичем?

— Он погиб, — сдержанно ответил Анатолий, — вчера были похороны.

— Как это произошло? — Позвонивший не выразил соболезнования, даже не удивился. Его, кажется, только интересовало, каким образом погиб Гудниченко-старший, как будто это было самое важное, что ему следовало узнать. Анатолий нахмурился.

— Его сбила машина. Извините, я не могу сейчас разговаривать.

— Подожди, — прохрипел позвонивший, — как это — сбила машина? Кто его сбил, вы узнали?

— Нет, машину пока не нашли.

— Когда и где это случилось?

— Какая разница, — поморщился Анатолий, — отца мы все равно не вернем. До свидания.

— Подожди, — снова сказал неизвестный, — ты кем ему приходишься?

— Я его сын.

— Тогда понятно. Он ничего не сказал тебе перед смертью?

— Ничего. До свидания.

Анатолий повесил трубку. Бесцеремонность звонившего его разозлила. Снова раздался телефонный звонок. Анатолий снял трубку.

— Может, он что-то просил передать для своих друзей? — раздался тот же голос. — Спроси у своей матери.

— Он ничего не сказал, — нервно произнес Анатолий, — и не нужно больше сюда звонить. У нас и так большое горе, а вас, кажется, интересуют только свои личные дела.

Он бросил трубку.

— Кто это звонит? — поинтересовалась мать из другой комнаты.

— Какой-то ненормальный, — зло ответил Анатолий.

В этот день больше никаких неожиданных телефонных звонков не было. А на следующий день позвонила испуганная соседка по даче. Она была вдовой генерала, Героя Советского Союза. Эти два участка Гудниченко и генерал Палийчук получили еще в конце шестидесятых как ветераны войны. Палийчук построил на своем участке добротный двухэтажный особняк, а Гудниченко — гораздо более скромный домик, в котором были две комнаты и небольшая кухня. Уже позже, будучи заместителем министра, когда дети уже выросли, он пристроил к дому еще одну комнату, которая стала его кабинетом и спальней. Дача была скромной, небольшой, но участок

замечательный. Отец любил ухаживать за землей и потратил много сил, чтобы все здесь было ухожено и обработано. Вокруг дома росли яблоневые деревья, привившиеся здесь еще в семидесятые, и множество кустов крыжовника.

Две дачи разделяла лишь символическая ограда из проволоки. Да и вообще в те времена не строили высоких каменных заборов. Соседка жила на даче после смерти своего мужа вместе с двумя собаками и домработницей. Ее сыновья часто навещали мать. У них было уже четверо взрослых девочек, которые, едва появившись на даче, устраивали такой шум, что об их прибытии сразу узнавали соседи. Эта была замечательная и дружная семья. Екатерина Палийчук не смогла приехать на похороны из-за своего высокого давления, но оба сына пришли на кладбище, чтобы проводить в последний путь соседа и друга своего отца.

— Доброе утро, — сказала соседка, и Анатолий не сразу узнал ее голос, — извините, что позвонила так рано утром.

— Кто это говорит? — не понял он.

— Это ваша соседка по даче. Тетя Катя Палийчук. Вы меня не узнали, Анатолий?

— Здравствуйте, тетя Катя, — улыбнулся Анатолий. — Как вы себя чувствуете? Ваши сыновья говорили, что у вас высокое давление.

— Да, иногда просто кружится голова. Но я позвонила не поэтому. Ты знаешь, Толик, я вчера